

ныхъ мукахъ, пережитыхъ Герминой въ первые дни послѣ свиданія съ Альфредомъ, о злополучной поѣздкѣ на море, о ея галлюцинаціяхъ, едва не заставившихъ ее лишиться себя жизни. Эта поѣздка и была непосредственной причиной ея смерти. Въ первый же вечеръ Руперта замѣтила въ своей несчастной подругѣ какую-то странную перемену, она все говорила о своей близкой смерти, какъ о неизбѣжномъ и даже желательномъ исходѣ. «Моя жизнь, говорила она, постоянно мѣшаетъ жить другимъ людямъ, больше меня имѣющимъ право на жизнь и наслажденія. Только моя смерть можетъ распутать тѣ безчисленные затрудненія, въ которыя я невольно поставила любимыхъ людей. Я не только хочу умереть, — я чувствую, что желаніе это вполнѣ разумно». Руперта старалась отвлечь ее отъ этихъ мрачныхъ мыслей, но Гермина постоянно возвращалась къ своей тѣмѣ. Черезъ нѣсколько дней Руперта не могла скрыть отъ себя опасности положенія Гермины. Рядъ нравственныхъ погрѣшеній, безконечные дни душевныхъ терзаній, дурная лондонская обстановка, всѣ эти условія вмѣстѣ распатали здоровье Гермины, а простуда, схваченная во время несчастной прогулки, окончательно сразила ее. Она сохранила ясность ума, но физическія силы съ каждымъ днемъ замѣтно покидали ее. Разъ она взяла Изидору въ свои объятія и, страстно цѣлуя ее, сказала: «Ты будешь счастливѣе меня, я въ этомъ увѣрена. Твой отецъ былъ умный практическій человѣкъ, и ты наслѣдовала его качества. Мой отецъ былъ мечтатель, полный поэтическихъ идеаловъ, и я умираю, какъ умираютъ въ балладѣ, — чтобы спасти любимого человѣка. Это — высшее счастье, доступное натурамъ, подобнымъ мнѣ»...

Она часто вспоминала Альфреда. — «Онъ сердится на меня, потому что изъ-за меня онъ совершилъ ужасный поступокъ; поэтому-то онъ и не приходитъ ко мнѣ. Но когда я умру и онъ узнаетъ все, онъ тоже проститъ мнѣ и будетъ заботиться о моей малюткѣ. Онъ это сдумаетъ лучше всякаго другого».

За нѣсколько дней до смерти она получила письмо отъ Бруно, въ которомъ онъ сообщалъ объ окончаніи сдѣлки съ Пуммереромъ и выражалъ увѣренность въ близкомъ и успѣшномъ окончаніи дѣла. Гермина послала за нотаріусомъ и продиктовала ему завѣщаніе, въ которомъ назначила Изидору своей единственной наслѣдницей, а Альфреда — опекуномъ ребенка. Она была увѣрена, что нечестно добытыми деньгами Бруно не достигнетъ цѣли и тоже долженъ будетъ умереть. «Но эта мысль меня теперь не страшитъ больше. Бруно, подобно мнѣ, не при-